

Ощущал ли Бунин, что неумолимым ходом времени, логикой литературных событий вытеснен на обочину поэтического процесса? И ощущал, и страдал, и не смирялся...

Через годы и годы, уже в эмиграции, он допытывался у Зинаиды Гиппиус: «Скажите, как вы могли переносить Блока, Белого? Я совершенно не мог. Я понимаю, что в Блоке есть та муть, которая делает поэтов, но все же многое мне в нем непереносимо. А Белый просто не поэт...» (из дневниковых записей Веры Николаевны Буниной). А еще спустя доброе десятилетие, не скрывая своей обиды, «спросил, словно выстрелил», у Александра Бахраха: «А почему вы не цените моих стихов? Я, ей-Богу, недурно писал, — он улыбнулся, — но для вас они, конечно, недостаточно пряны и изысканны, вас съел Блок <...> Неужели вы не сумели оценить хотя бы моих строк о последнем шмеле?»

*Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!»*

Неприязнь писателя к символистам и другим кумирам Серебряного века Бахрах объясняет, в частности, тем, что Бунин «неизменно хотел, чтобы его в первую очередь считали поэтом», а «его поэзию как бы не признавали или признавали с оговорками, во всяком случае, не так, как он того хотел»...

Между тем, Блок, со своей стороны, еще в 1907 году утверждал право Бунина «на одно из главных мест среди современной русской поэзии», дружески приветствуя книгу своего старшего современника, мастера совсем иной поэтики...

Со школьных лет помнится это:

*Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной...*

Сама цитата и отзыв Льва Толстого («Очень хорошо, очень верно!») без упоминания фамилии автора проникли, благодаря мемуару Горького, в учебники, хрестоматии, стали *обонятельной* визитной карточкой Бунина-поэта.

Впервые познакомившись с его поэзией, я, как это свойственно юности, особо выделила для себя стихи о любви. Их немного, но каждое — боль и трепет, красноречивая недосказанность, бесслезные слезы.

*Как светла, как нарядна весна!
Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты так ласкова стала?
Но молчишь ты, слаба, как цветок...
О молчи! Мне не надо признанья:
Я узнал эту ласку прощанья, —
Я опять одинок!*

(1899)

Есть некоторая разница восприятия в зависимости от того, с бумажного листа или с чужого голоса пришли к нам стихи. Последнее случалось в моей жизни реже, но западало в память крепче... В какой-то счастливый миг, в